

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

И.А. ШМЕРЛИНА

СОЦИОЛОГИЯ И СЕМИОТИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ «ОТТЕПЕЛИ»: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Аннотация. В статье рассматриваются причины несостоявшейся дисциплинарной встречи социологии и семиотики, потенциально возможной в конкретно-исторических обстоятельствах советской «оттепели» 1960-х годов. По мнению автора статьи, эти причины — в следующем: разная степень включенности социологии и семиотики в общественную повестку дня; разный модус отношения к господствующей теоретико-идеологической платформе; атеоретичность и афилософичность семиотики в сочетании с чрезвычайно широкой тематикой исследований; формализм и сциентизм семиотических исследований; нелюбовь Ю.М. Лотмана к социологии; случайные факторы формирования личного состава Тартуско-московской школы. Показано, что наследие Тартуско-московской школы имеет перспективные выходы на социологическую, социально-историческую и социально-философскую проблематику.

Ключевые слова: социология; семиотика; «оттепель»; Тартуско-московская школа; Ю.М. Лотман; сциентизм; семиотический код; метафора текста; полиглотизм.

Для цитирования: Шмерлина И.А. Социология и семиотика в историческом контексте «оттепели»: несостоявшаяся встреча // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 4. С. 139–159. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5533

С концом советской эпохи кончается и московско-тартуский структурализм. Попытки представить его как живое течение сегодняшней интеллектуальной мысли бесперспективны. Что ушло, то ушло навсегда.
В. Живов

Тема данной публикации — не история Тартуско-московской семиотической школы (далее — ТМШ), она давно и неплохо описана, и не влияние последней на развитие советской социологической мыс-

---

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** shmerlina@yandex.ru

ли, поскольку такового практически не было. Предметом публикации выступают почти случившаяся и тем не менее не состоявшаяся встреча¹ социологии и семиотики и некоторые концептуально-теоретические сюжеты, которые оправдывают интерес к этим событиям.

Исторические траектории становления² социологии и семиотики в СССР в 1960–1970-е годы содержат не только точки сближения, но даже пунктирные линии пересечения этих двух дисциплин. Во-первых, обе они несли в себе очевидный заряд неконформизма (что безошибочно прочитывалось властью), в силу чего и та и другая получают развитие в специфических исторических обстоятельствах «оттепели». Последняя, как известно, отмечена небывалым интеллектуальным взлетом, и ТМШ может претендовать на статус одного из наиболее ярких ее символов. По тонкому наблюдению Г.И. Ревзина (сына одного из видных представителей ТМШ И.И. Ревзина), симптомом популярности этой школы могут служить библиографические карточки журнала «Семиотика» в каталоге Ленинской библиотеки:

«Очередной выпуск “Семиотики” ожидался в Москве как веком раньше “Современник”, в Ленинке в каталоге национальных литератур на фоне девственно чистых карточек изданий республиканских университетов карточки “Семиотики” сегодня выглядят как инородное тело — они затерты до дыр руками людей, заказывавших и заказывавших эти книжки» [30, с. 75–76].

Социологи, безусловно, знали об этой школе, а семиотики были в курсе событий, связанных с развитием социологии. Достаточно отметить, что обе дисциплины имели общую площадку свободных дискуссий — знаменитый спортивный лагерь Тартуского университета Кяэрику, в котором проходили зимние научные семинары социологов и летние — семиотиков. В истории отечественной интеллектуальной мысли этот лагерь остался символом 1960-х, маленьким островком научной и человеческой свободы, и именно так он воспринимался в то время как социологами, так и семиотиками.

«Этот поселок вошел в историю многих областей знания. Пожалуй, наибольшую известность Кяэрику получил благодаря тому, что в нем образовывалась так называемая Тартуско-Московская, или Московско-Тартуская, школа семиотики, возглавлявшаяся *Юрием Михайловичем*

¹ Толкование слова «встреча» в словаре Н. Ушакова — «схождение в одном пункте при движении с разных сторон». Используя эту метафору, мы подчеркиваем как наличие подобного «пункта» — общего тематического пространства, пронизанного концептами культуры, социальности, смысла, так и коннотацию движения, которое не только в проблемно-тематическом, но и в «физическом», историко-событийном плане вело к междисциплинарному узнаванию и взаимодействию.

² Слово «становление» в строгом историко-научном контексте нуждается в более подробном рассмотрении и обосновании. Однако здесь наша задача другая — маркировать тот качественный скачок в развитии социологии и семиотики, который начинается на рубеже 1960-х годов.

Лотманом. В Кяэрику в 1966–1969 годы собирались также социологи, изучавшие теорию и практику массовых коммуникаций в разных аспектах. Это был период становления советской невульгарной социологии... Тарту и его окрестности пока оставались относительно свободным оазисом, еще не засыпанным песками пустыни номенклатурного социализма. И как обитатели саванн во время засухи направляются к еще не засохшим озерам и рекам, ведущие социологи страны съезжались в Кяэрику за глотком, хоть и не *безБрежной*, но все-таки свободы слова» [35].

«Встречи в Кяэрику — событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода “западом”... В собственно научном плане там блистали Юрий Лотман, узнадзвец Венори Квачахия, Юрий Левада и многие другие выдающиеся интеллектуалы» [44, с. 18].

Помимо общего «локуса» становления обеих дисциплин и той общей атмосферы, которой они дышали в Кяэрику, были и непосредственные профессиональные пересечения. Так, Ю.М. Лотман выступал на одном из социологических семинаров, и это произвело большое впечатление на социологов:

«...Юрия Михайловича приглашали... участвовать в работе социологических семинаров. Однажды его даже попросили вести заседание. На этом заседании были острые дискуссии, и Ю.М. потряс участников социологических обсуждений своей необыкновенной деликатностью. Говорили: “Вот это настоящий петербургский профессор”» [34].

Свидетельства явного или подспудного интереса социологов к семиотике проступают даже на бытовом уровне. Так, некоторые участники социологических школ в Кяэрику вспоминали шуточный военизированный ритуал посещения финской бани, который предусматривал «должность» «замкомандира по семиотике» (на эту «должность» был «назначен» Ольшанский) [35].

В свою очередь, Ю. Левада принимал участие в семиотических школах Кяэрику.

«Ю.А. Левада был в Кяэрику в августе 1970 г. на IV Летней школе по так называемым “вторичным моделирующим системам”, т. е. по семиотике, которую проводил Юрий Михайлович Лотман... Левада не выступал, но очень внимательно слушал» [35].

Впрочем, как заметил один из участников ТМШ, «появлявшиеся на школах Ю. Левада и Л. Столович не вписались в семиотический круг» [17, с. 309], и это замечание важно в свете последующего изложения. По мнению Л. Столовича, «появление Ю.А. Левады... было не случайно на IV Летней школе в 1970 году» [34]. Дело, по-видимому, было не только в политическом остракизме³, но и в концептуальной близости Левады

³ По свидетельству Столовича, «Лекции по социологии» Юрия Левады в 1969 г. подверглись уничтожающей идеологической критике в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Наум Коржавин писал тогда: «И на распотанной Леваде пасутся жирные ослы...» [34].

семиотическому направлению. Об этом свидетельствует его монография «Социальная природа религии», вышедшая в 1965 году и резко контрастировавшая с привычной стилистикой отечественных работ на эту тему. Как вспоминает А.Б. Гофман, «...его работы выделялись уже тогда, в 60-е годы, из общей массы трудов по общественным наукам необычностью содержания и стиля изложения. Книга “Социальная природа религии” ...была для меня настоящим открытием... соединение социологического и семиотического подходов к анализу религии ...поразило меня, привыкшего к заунывным или, наоборот, боевым вариациям на тему о классовой природе “опиума народа”» [9, с. 92–93].

Эта книга свидетельствует о несомненном знакомстве Левады с работой второй летней школы в Кяэрику, посвященной вторичным моделирующим системам, и в целом может рассматриваться как успешный прецедент дисциплинарной встречи.

Как отмечают историки советской социологии, семиотическое направление было представлено в работе знаменитого Левадовского семинара: он имел «социологический характер в самом широком смысле слова (здесь обсуждались социальные, теоретико-экономические, *семиотические* [здесь и далее в цитатах курсив наш. — И.Ш.], исторические и культурологические темы)» [28]. По свидетельству Б. Фирсова, в заседаниях Левадовского семинара принимали участие представители ТМШ и люди, близкие семиотическому кругу:

«Собирались регулярно — еженедельно, иногда и чаще, для обсуждения социальных, теоретико-экономических, семиотических, культурологических, исторических проблем. Особенность семинара заключалась в том, что на его заседаниях бывали практически все, уже в те годы по праву считавшиеся яркими люди, — Пятигорский, Аверинцев, Гуревич, Баткин, Иванов, Шляпентох, Щедровицкий» [40, с. 264].

Однако, несмотря на все эти многообещающие прецеденты и симптомы, встреча семиотики и социологии не состоялась. Почему?

Среди выделенных нами причин важнейшая — *разная степень включенности этих наук в общественную повестку дня и, соответственно, разный модус взаимоотношений с властью.*

Социология, несмотря на мощный нонконформистский импульс, стимулировавший ее развитие в те годы, оставалась наукой об обществе с фокусировкой на актуальном состоянии последнего. В этом — смысл и предназначение данной дисциплины, и социологи-шестидесятники в полной мере отвечали своему социальному призванию. Принципиально иной модус существования был характерен для отечественной семиотики шестидесятых: политическая дистанцированность, индифферентность, едва ли не стерильность, выразившаяся в *почти* полном отсутствии в тематической повестке сюжетов, взятых из актуальной социально-политической действительности. Именно в такой негативной проекции выразилась органическая связь тартуско-московской семиотики с той специфической

социально-политической средой, в которой она возникла и развивалась⁴. Эта ситуация прекрасно описана Б. Гаспаровым, давшим *едва ли не лучший* (по признанию Ю.М. Лотмана — *лучший* [19, с. 205]) анализ феномена летних семиотических школ в Кяэрику, социальным вектором которых был уход из «зараженного» внешнего мира в герметичный мир чистого научного поиска [7].

Характеризуя теоретико-мировоззренческие установки участников летних школ, Б. Гаспаров подчеркивает «явственные черты утопического мышления» [7, с. 292]. Не только идейные позиции, но в определенном смысле сам социальный проект ТМШ может быть охарактеризован как утопия⁵, одним из проявлений чего и была тематическая выключенность из актуальной социальной проблематики⁶.

Как писал один из участников ТМШ Д.М. Сегал, «никто из нас (за исключением И.И. Ревзина в коротких тезисах о языке ГУЛАГа и Вяч. Вс. Иванова в статье о современном поэте Межирове) не обращался в своих работах к беспорядочной круговерти современной политики и культуры» [31, с. 108].

Однако редкие исключения лишь оттеняют общую «тенденцию к герметическому замыканию». Все это, безусловно, резко диссонировало с идейно-мировоззренческими установками и профессиональными устремлениями социологов-шестидесятников. Последние, по выражению В.В. Колбановского, «были во власти созидательного иллюзионизма и романтизма — они стремились реформировать и совершенствовать общество на базе его собственных институтов, по своей форме тоталитарных» (цит. по: [30]). Советская социология была «включена в процесс воспроизводства базовых идеологических и политических ценностей советского общества...» [45, с. 3].

Эти установки профессионального этоса социологов позволяют, по мнению А.Ф. Филиппова, характеризовать советскую социологию

⁴ «Московско-тартуская семиотическая школа — это, с одной стороны, одно из направлений европейского структурализма, а с другой — явление позднесоветской культуры, позднесоветской научной жизни. Эти два момента определяют основные содержательные моменты этого движения, его интересы, его претензии и его, можно сказать, неинтересы, то, что эта школа игнорировала или отторгала. Обе эти составляющие необходимы для понимания специфики тартуской семиотики» [12].

⁵ Попытка ухода от мира, проявившаяся в феномене семинарского движения, была характерна и для социологии того периода, однако она не была реализована столь полно и последовательно, как в случае семиотики.

⁶ Впрочем, реализованные утопии никогда не бывают абсолютными, как не была абсолютной и герметичность Тартуско-московской школы, о чем не преминули заметить многие ее участники, откликнувшиеся на статью Гаспарова. Так, например, С. Серебряный показывает, что сугубо литературоведческие и филологические тексты имели порой «двойное дно» [32, с. 127].

как полицейскую науку, понимаемую в модусе «управленчески-экспертной системы полицейского государства» [39, с. 92].

Хорошо известно, что эта «управленчески-экспертная система» была однозначно и жестко сориентирована на сугубо эмпирический анализ социальных процессов в определенных сферах жизни, что диаметрально расходилось с теоретико-познавательными установками тартуских семиотиков. Последние стремились к воссозданию идеально гармоничного мира, выстроенного в соответствии с найденным семиотическим кодом, и, мысля себя небожителями этой утопии, намеренно «отстранялись от неоднородности [внешнего] мира и от эмпирической традиции как от внеположного хаоса» [8, с. 292].

Социология и семиотика представляли, таким образом, разные полюса возможных взаимоотношений между властью и наукой. Семиотика не только дистанцировалась от политически иннервированных сюжетов, но и не имела к ним познавательных запросов. Это «отсутствие интереса и... чувствительности к проблемам власти» [12] в значительной степени сузило поле зрения советских семиотиков и, в частности, привело к тому, что они оказались невосприимчивы к тематике постмодерна:

«...Сама постановка вопроса о навязывании устойчивых дискурсивных практик как инструменте власти... с точки зрения советской семиотики была непонятным теоретизированием, вызывавшим лишь недоумение и неодобрение. С таким неодобрением московско-тартуские семиотики относились к Мишелю Фуко и Пьеру Бурдьё...» [12].

Что касается социологии, то пребывание «на переднем крае» общества делало ее уязвимой перед политической властью, и в этом плане она находилась в гораздо более опасной ситуации, нежели семиотика. По свидетельству В.Э. Шляпентоха, «никто из тех, кто начал заниматься [в те годы] семиотикой и тем более математической экономикой, не подвергался риску... не подвергался суровым преследованиям, когда политический курс Кремля сдвинулся назад, в сторону сталинизма» [42, с. 128].

Впрочем, комфортность социальных условий, в которых развивалась семиотика, явно преувеличена. Достаточно назвать такие события, как многочасовой обыск у Ю.М. Лотмана [24, с. 317–319] и уничтожение тиражей семиотических сборников (о чем пишет Т.М. Николаева [27, с. 168] и рассказывает Б.Ф. Егоров⁷), чтобы развеять миф о «райских куцах», в которых расцвела советская семиотика. Идеологические гонения на семиотику начинаются сразу же за ее официальным признанием [38, с. 104–106]; по некоторым свидетельствам, в том числе самого Лотмана, КГБ следил за деятельностью возглавляемой им кафедры [24, с. 318], и за летними семиотическими школами. Однако семиотику «спасал» сам предмет исследования — малопонятный сам по

⁷ См. выступление Б.Ф. Егорова «О кафедре в Тарту, обыске у Лотмана и “марксистской семиотике”»: URL: <<https://www.youtube.com/watch?v=zI8kpWlnP6I>>.

себе, он стал для властей еще менее понятен после удачного изобретения В.А. Успенским⁸ термина «вторичные моделирующие системы» [38].

Описанные различия в социальном модуле существования социологии и семиотики в оттепельном и постоттепельном СССР стали причиной как принципиальной невозможности пересечения «повесток дня» этих дисциплин, так и глубокой идейно-мировоззренческой пропасти между ними. Последнее можно выделить в качестве второй самостоятельной причины их неустойчивости.

Как бы ни относились социологи к марксистско-ленинской философии — с искренней верой в ее теоретическую мощь и историческую правду или с трезвой прагматикой, полагая тщетными любые сомнения в сакральности этой «священной коровы», — они работали в жестких идеологических рамках, заданных официальным мировоззрением советской эпохи. Думается, что первого — искренней веры и стремления «прочувствовать (а не просто провозгласить) идеологический постулат» [5, с. 15] — было больше. Такова была атмосфера эпохи, породившая надежды на радикальное улучшение того, что казалось неизменным в своих принципиальных основах.

Если социологи, вынужденно или искренне, демонстрировали «единственно верное» марксистско-ленинское мировоззрение, то семиотики занимали в этом плане диаметрально противоположную позицию — неприятия вообще какого-либо систематического мировоззрения, будь то философия или даже методология.

Здесь прежде всего следует сказать о нелюбви Ю.М. Лотмана к философии как самодостаточному занятию. «Он говаривал, что профессиональный философ — “едок приправ, а приправа должна подаваться к основному блюду”... понятным основанием для такого отношения было воистину жалкое состояние советской философии, пережевывающей марксистско-ленинскую жвачку...» [15]. Примечательно в этом отношении замечание Ю.И. Левина, сделанное в связи с описанием профессиональной специализации участников школы:

«Между прочим, характерно отсутствие философов (появлявшиеся на школах Ю. Левада и Л. Столович не вписались в семиотический круг, а А. Пятигорский шел по индологическому ведомству, как и Л. Мяль), — характерно в плане специфического отношения к философии у нашей интеллектуальной элиты, — что восходит как к традиционной слабости философской культуры в России, так и к упразднению философии в 1922–23 гг. и заменой ее марксизмом. В результате даже не возникал вопрос о философской базе семиотических исследований...» [17, с. 309].

Приведем в подбор замечание «невписавшегося» Л. Столовича:

«...К философии и к философам существовало предубеждение. Помню восклицание Ю.И. Левина относительно автора этих строк: “Диаматчик,

⁸ В.А. Успенский — математик, брат известного семиотика, участника ТМШ Б.А. Успенского.

знающий Манделъштама?! Это невероятно!” ...У интеллектуалов, занимавшихся конкретными исследованиями, возникла своего рода аллергия на всякую философию» [34].

Это пренебрежение философской проблематикой сузило поле зрения тартуских семиотиков и сделало их нечувствительными к процессам, происходящим в мировой гуманитаристике:

«...московско-тартуская семиотика оказалась практически полностью глуха к философской проблематике... С этой философской глухотой связано и то немаловажное обстоятельство, что в Москве и Тарту проглядели постструктурализм: и Фуко, и Деррида были — среди прочего — недопустимо “философичны”...» [12].

Вместе с философией были упразднены также теория и методология.

«В 60-е годы сторонники “тартуской школы” стояли на позитивистских позициях, полагая, что семиотика и есть их философия» [34].

Вспоминая 1960-е годы с тридцатилетней дистанции, А.М. Пятигорский, один из наиболее ярких участников школы, признает: «...у нас, в Москве и Тарту, метод фигурировал как своего рода “прикладная” философия. Может быть оттого, что на первых порах ни в какой другой философии не было особой нужды... семиотика не имела и своей теории, теории как рефлексии над методологическими предпосылками. Более того, господствовала тенденция (которая мне тогда очень нравилась) принимать за теорию метод описания объекта, с одной стороны, а с другой — приписывать этому методу онтологические характеристики (что мне нравилось еще больше)» [29, с. 325].

«Философского обоснования методов не было, слово “герменевтика” не произносилось. Ю.И. Левин прав: это была реакция на то половодье идеологии, которое было вокруг» [7, с. 302].

Отсутствие теоретико-методологической фундированности семиотических исследований — один из типичных и, по-видимому, справедливых упреков в адрес ТМШ, который высказывали как внешние по отношению к ней авторы, так и сами ее участники. В этом состоит и одна из причин скромной рецепции идей ТМШ, при всем интересе западной гуманитаристики к школе как таковой. Так, немецкий исследователь советской семиотической традиции М. Фляйшер во введении к книге «Советская семиотика: теоретические основы Московско-Тартуской школы» (1989) писал: «...советская семиотика отличается выраженной враждебностью к теории, поэтому не удивительно, что советские работы не встречают интереса (на Западе...)» (цит. по: [2, с. 288–289]).

Подобную *атеоретичность* вполне исчерпывающе можно объяснить социально-политическим контекстом времени. В условиях тотального господства диамата / истмата любые посягательства на некую «семиотическую методологию» или «теорию» привели бы к научным репрессиям и закрытию школы. Принципиальное дистанцирование от какого бы то ни было «теоретизирования» было, таким образом, вопросом научного

и дисциплинарного самосохранения. Семиотика могла себе это позволить, социология — нет. Как бы то ни было, данное обстоятельство, наряду с ярко выраженным отсутствием интереса семиотиков к актуальной социологической проблематике, способствовало формированию дисциплинарно-эпистемологического барьера между семиотикой и социологией.

Принципиальная афилозофичность, отсутствие эксплицированной методологии, нежелание заниматься разработкой абстрактно-теоретических вопросов сочетались с необычайной широтой предметных областей семиотических исследований, что создавало впечатление тематического хаоса. Многие исследователи, в том числе сами представители школы, отмечают «исключительное разнообразие обсуждаемых тем и проблем, почти пестроту, в том числе и в методологии, — что вызывало зачастую у многих участников впечатление идейного разброда и даже чувство недоумения (в один день могли читаться доклады, скажем, “о структуре абзаца” и “о древнеиндийском свадебном гимне”)» [17, с. 311]. «Здесь были и литературоведение, и изучение фольклора, и этнография, и культурная история, и информатика, и психология, и нейрофизиология...» [12]. Характерно в этом отношении восприятие ТМШ в Германии, где тематическая разноголосица особенно остро диссонировала с основательностью и методичностью научной работы. Так, одна из работ Карла Аймермахера, посвященная феномену ТМШ, содержит в названии гоголевскую строчку «Ярко, пестро, нестройно» (см.: [2, с. 280]).

Эта пестрота, выглядящая хаосом, карнавалом, тематическим «обжорством», имела, однако, под собой жесткое, хотя и плохо эксплицированное методологическое основание. Семиотические штудии направлялись интенцией поиска семиотических кодов, тех структурных «генов», в соответствии с которыми разворачивается феноменологическое пиршество жизни. В этом поиске единых структурных принципов организации культуры и даже жизни как таковой явственно проступают черты сциентизма. Ориентация семиотиков на естественнонаучные каноны исследований определяла их исследовательский поиск и даже была выражена в виде программных установок. Так, Б. Гаспаров обращает внимание на название статьи Ю.М. Лотмана «Литературоведение должно стать наукой» [25], подчеркивая, что оно «в полной мере отражает этот аспект семиотического движения 60-х годов» [6, с. 217]. Это отражалось в том числе на стилистике исследовательских текстов, в которых содержание подавлялось формой.

«Типичный семиотический текст этого времени наполнен абстрактными буквенными обозначениями и их комбинациями, напоминающими алгебраические или химические уравнения из школьного учебника, всевозможными графами, схемами, таблицами...» [6, с. 217].

Эта сциентистская и формалистская направленность семиотических исследований, их «определенное равнодушие к содержательной стороне дела» [12] были не близки нарождавшейся социологии с ее открытостью социальной реальности, постигаемой прежде всего в модусе эмпирических проявлений с неизбежным смешением случайного и закономерного.

Наконец, в качестве отдельной причины несостоявшейся дисциплинарной встречи социологии и семиотики следует назвать нелюбовь Ю.М. Лотмана к социологии или по крайней мере отсутствие какого-либо интереса к ней. Это важно, поскольку именно Лотман был центром — и в научном, и в организационном, и в человеческом смысле — Тартуско-московской школы, и именно из-за него она чаще называется именно так или даже просто Тартуская школа, хотя в силу исторической справедливости ее следовало бы назвать «Московско-тартуской школой»⁹ (что, впрочем, иногда и делается).

Нелюбовь Ю.М. Лотмана к социологии имела как идеологические, так и гносеологические обертона. Идеологические, по сути, прописаны выше. Именно они выступают на первый план в трактовках западных исследователей. Так, Л. Тевено отмечает: «К сожалению, полноценный диалог между семиотическим структурализмом московско-тартуской школы и социальными науками — в силу их напряженного взаимоотношения в СССР (Лотман, в частности, считал социологию идеологическим инструментом советской власти) — не состоялся» [16].

Отечественные исследователи выделяют также отсутствие у Ю.М. Лотмана интереса к массовому поведению и «среднему» человеку исторической повседневности, фокусирование внимания на герое — носителе яркой Индивидуальности. Лотману были не интересны деперсонализированные процессы, «тоска исторического бытия...», любые социально нагруженные трактовки поведения героя вызывали у него отторжение, а социологическая литература наводила скуку [11].

Версия «персональной ответственности» Ю.М. Лотмана за не-встречу социологии и семиотики близка к последней из выделяемых нами возможных ее причин — почти житейской. Нет никаких особенных дисциплинарных валентностей и несовместимостей, а есть историческая сложившаяся конфигурация научного объединения:

«...случайности формирования “личного состава” школы привели к отсутствию в ней, скажем, сиологов, социологов, юристов, — и эти направления исследований тогда не вошли в круг семиотических штудий» [17, с. 309].

⁹ Как подчеркивают многие исследователи, и это подтверждается документально, семиотическое движение в СССР начинается в Москве во второй половине 50-х годов (см., например, [30, с. 77; 37, с. 272; 36, с. 343–344]. Важнейшей вехой стал проведенный в конце 1962 года московский симпозиум по структурному изучению знаковых систем, тезисы которого открываются четко сформулированным программным положением: «Семиотика — это новая наука, объектом которой являются любые системы знаков, используемые в человеческом обществе» [33, с. 3]. Подспудный спор о приоритетах локации отечественной семиотики отразился в названиях двух больших сборников, посвященных ее истории, первый из которых называется «Тартуско-московская школа» (1994), а второй — «Московско-тартуская школа» (1998).

«Гуманитарная наука не знает четких методов и правил, больше, и куда больше здесь определяет масштаб личности. Это предельно просто: Тартуская школа собрала выдающихся ученых-гуманитариев вместе и просто ученых-гуманитариев вокруг них. Семиотика дала им общий язык, создала, быть может, иллюзию, что все они заняты одним делом — и это дело явилось и родилось» [30, с. 76].

Отмеченные выше особенности ТМШ, а именно дистанцированность от актуальных проблем социально-политической действительности, чрезвычайная широта исследовательских поисков, отсутствие интереса к философским и методологическим вопросам, подчеркивали многие исследователи, в том числе зарубежные (см., например: [3; 4]). Эти особенности препятствовали рецепции идей школы не только в иноязычном мире, но и в дисциплинарном пространстве социологии. Между тем наследие ТМШ содержит столько интересных социальных идей и прозрений, интуиций и плодотворных заблуждений, что было бы непростительным расточительством воспринимать его как совокупность изящных, но в сущности бесполезных багателей.

Социологический потенциал ТМШ. Несмотря на отсутствие у Ю.М. Лотмана и других семиотиков интереса к социологическим сюжетам, их исследования имели очевидную социальную направленность. Как подчеркивает один из ведущих представителей этой школы Б.М. Гаспаров, семиотика шестидесятых формировалась как «наука о знаковой природе социального поведения» [6, с. 214]. Это обстоятельство отмечают также западные исследователи. Так, М. де Микель подчеркивает как специфическую черту семиотических исследований школы Лотмана их «экосемиотическую чувствительность», то есть внимание к культурной среде, в которой функционирует знак [10, с. 239]. Лоран Тевено замечает, что «семиотика Лотмана сближается с социальными науками в том, что ставит своей целью анализ социальных практик» [16].

Именно интенцией к изучению социальных процессов можно объяснить ту тематическую пестроту, которая производила впечатление легковесных семиотических упражнений праздных интеллектуалов. Жесткие идеологические рамки эпохи не оставляли возможностей для иного жанра; между тем за прихотливостью тематического репертуара, в который входили поэзия Серебряного века и воровской жаргон, теория информации и выкрики уличных разносчиков, мифология и правила дорожного движения, кетская модель мира и детективы Честертона, искусственные языки и социальный этикет, парапсихологические опыты и абхазские народные игры, русская иконопись и шахматы, тантристские секты и юмор, индийские музыкальные тона и произведения М. Пруста, фонологическая структура слога и жестовая коммуникация, моногамная семья и древнеиндийская традиция умозрения и пр., стояла общая теоретическая программа выявления «знаковых кодов, в категориях которых действуют и сознают себя участники семиотического

сообщества» [6, с. 214]. По сути, речь идет о попытке выйти на семиотический уровень анализа социальности, и она глубоко созвучна сегодняшним теоретико-методологическим поискам, будь то культуральная социология или исследования по институциональной логике, заявка на семиотическое понимание онтологии социального [43] или естественно-эволюционная реконструкция коммуникативных систем [41].

В свете этих семиотических исканий особый интерес представляет фигура Ю.М. Лотмана. По мнению С. Зенкина, его концепция выходит «за рамки семиотики, в область социально-философской рефлексии» [13]. Достаточно вспомнить лотмановский лаконичный, но чрезвычайно содержательный концептуальный абрис социокультурных моделей отечественной истории [22]¹⁰, чтобы признать справедливость этого замечания.

Действительно, при всей нелюбви Лотмана к социологии он, безусловно, глубокий социальный мыслитель. Его «историческая семиотика» [20, с. 339–390] — заявка на *вероятностную* реконструкцию тех интеллектуальных механизмов, посредством которых совершается история, — имеет очевидный социологический потенциал и дает концептуальную рамку для анализа тектонических процессов социальной жизни. Принципиально отличаясь по своим теоретико-мировоззренческим основаниям от *l'histoire nouvelle* («новая историческая школа», или школа «Анналов», известна также как «история большой длительности» или «история долгого дыхания»), с которой Ю.М. Лотман открыто полемизирует, его «историческая семиотика» встроена в естественнонаучную перспективу анализа динамических процессов (увлечение Лотмана концепцией И. Пригожина — факт хорошо известный) и связана с признанием вероятностно-альтернативного характера социальных феноменов, рождающихся как результат «взаимного напряжения» сознательных и бессознательных факторов исторического выбора [20, с. 342]. Ю.М. Лотман предлагает модель, объединяющую культурно-историческую детерминацию и случайные, принципиально непредсказуемые в границах данной культурной системы, факторы, без которых невозможно появление нового¹¹. В такой методологической перспективе бессмысленно обсуждать дилемму «акторы или структура» — в ней есть место как структурным «окаменелостям», так и произвольной игре акторов, как закономерному разворачиванию кодов культуры, так и неожиданным зигзагам истории. Излишне подчеркивать, насколько это важно для социологических построений — признание принципиальной непредсказуемости социальной траектории, связанной не с «плохими» гносеологическими возможностями социальной науки, а с вероятностной природой социальных событий.

¹⁰ Как отмечает М. де Микель [10, с. 241], итальянские семиотики отнесли к этой типологии с повышенным вниманием.

¹¹ «...правильное решение математических задач новых текстов не создает. Здесь можно вспомнить положение Л. Витгенштейна, согласно которому в пределах логики нельзя сказать ничего нового» [20, с. 158].

Центральным концептом этой модели и тартуско-московской семиотики в целом выступает метафора текста. По признанию западных исследователей, «Тартуско-Московская школа с самого начала выступила... как семиотика текста еще задолго до того, как на Западе появились подобные концепции» [10, с. 239–240]. Метафора текста используется Ю.М. Лотманом очень широко — он говорит о личности как тексте, городе как тексте, любом отдельном пласте культуры и культуре в целом как тексте¹². Текстцентричная модель культуры Лотмана — это прежде всего описание механизмов выработки *смыслов* («Фундаментальным вопросом семиотики культуры является проблема смыслопорождения» [21, с. 640]), что само по себе — безошибочный маркер релевантности данной концепции в дисциплинарном поле социологии.

Метафора текста порождает целый пучок постструктуралистских идей, и именно здесь, в пространстве этой метафоры, классическая семиотика сосюрковского образца смыкается с неопределенностью постмодернизма. Классическая семиотика предполагала строгий и однозначно, «генетически» заданный порядок (в роли гена здесь выступает семиотический код), predeterminedный в самих своих основаниях и не нуждающийся для своего понимания в феноменологических подробностях. Это, по меткому выражению В. Живова, «аннигилирующее историю абстрагирование» [12] составляет уязвимое место семиотического метода (заметим, что в данном контексте вполне оправданы предубеждения, которые испытывает Дж. Александер к «ортодоксальной» версии семиотики [1]).

Данный сюжет имеет непосредственное отношение к методологическим проблемам социологии. Идея языковой обусловленности социального поведения относится к устоявшимся и почти не дискутируемым постулатам современной социальной мысли. В этом отношении она безусловно нагружена семиотическими интенциями в духе Соссюра. Однако эта модель быстро исчерпывает свой эвристический потенциал, как только сталкивается с социальными процессами, не вписывающимися в траектории заданного кода. Понимая ограниченность «ортодоксальной» семиотической модели, ее невосприимчивость к радикальным социальным трансформациям, социология делает крен в сторону субъекта, попадая в тупик методологического индивидуализма. Было бы, однако, расточительством просто отказаться от метафоры языкового кода — она обладает мощным когнитивным потенциалом, позволяя проникнуть в наиболее глубокие пласты культуры, и с более или менее очевидным успехом используется современными социальными исследователями. Модель социокультурной динамики Лотмана в этом отношении чрезвычайно привлекательна. В ней, как прекрасно изложено у И. Калинина [14], аналитическая перспектива, заданная

¹² Открытая аллюзия на текстцентричную концепцию Ю.М. Лотмана звучит в названии подраздела статьи Г.С. Батыгина [5] — «Социальные науки как текст».

грамматикой семиотического кода, дополняется риторикой текста. Эта модель позволяет объединить, казалось бы, необъединимое — детерминацию и онтологически не устранимый хаос, культурно закодированные траектории исторического развития и стохастические социальные процессы, выдвигающие на первый план роль субъективного выбора. Пружиной этой модели выступает полиглотизм культуры.

Идея полиглотизма, согласно которой любая культурная система требует наличия как минимум двух автономных подсистем и соответствующих им двух языков, между которыми существует ситуация принципиальной непереводаемости (не-до-конца-переводимости) — важнейший вклад Ю.М. Лотмана в семиотику. Поликультурность, подчеркивает Лотман, — свойство (не всегда очевидное) *любой* культурной системы и условие ее творческого развития, связанного с приращением новой информации¹³. Именно благодаря столкновению самостоятельных и самобытных семиотических систем, не редуцируемых без остатка друг к другу, рождается новое.

Таков механизм смыслопорождения и динамики культуры, возникающий с участием человека и имеющий одновременно надличностную природу. В этой концепции «текст предстает... как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [23, с. 132]. На основе метафоры текста Ю.М. Лотман создает оригинальную *семиотическую монадологию* (известно его увлечение Лейбницем, о чем пишет в частности Л. Столович [34]), позволяющую говорить о личностях разного уровня и собственной динамике надличностных систем. Человек, текст, отдельный культурный феномен, культурная система в целом — все они, по мнению Лотмана, обладают инвариантными механизмами порождения смысла и могут быть поняты как «семиотические личности», «мыслящие объекты», «семиотические монады». Этот комплекс идей изложен Ю.М. Лотманом в последних работах — «Культура и взрыв», книге «определенно постструктуралистской», по замечанию В. Живова [12], «Внутри мыслящих миров», серии статей («Асимметрия и диалог», «К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект)», «Мозг — текст — культуры — искусственный интеллект», «Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума» и др. — см. [26]).

¹³ Концепция Ю.М. Лотмана перекликается с идеями великого этолога и глубокого социального мыслителя К. Лоренца, который в своем философском сочинении «Оборотная сторона зеркала» говорил о «культуре как живой системе» и подчеркивал благотворность для человеческого вида «склонности человеческих культур к... развитию в дивергентных направлениях» и опасности противоположных, конвергентных, тенденций, прекращающих «творческое действие межкультурного отбора» [18, с. 545–546].

Важно подчеркнуть, что текстоцентричная концепция Ю.М. Лотмана, у которой много общих коннотаций с радикальной постмодернистской установкой на понимание мира как текста, вне которого «нет ничего» (Ж. Деррида), не переходит, по выражению Г.С. Кнабе, «рубежа» постмодерна [15, с. 267]. Лотмановская метафора текста не связана ни с солипсическим отрицанием внетекстового универсума, ни с деконструкцией смыслов, ни с отказом от поиска истины. Он остается верным «принципу семиотического порядка» [6, с. 236], и выстроенная на этом принципе текстоцентричная концепция культуры имеет для социологии большую эвристическую ценность, нежели постструктуралистский дискурс с его «эпистемологической неуверенностью».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Д.С.* Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 1. С. 17–37 [электронный ресурс]. Дата обращения: 22.12.2009. URL: <https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211459200/6_1_2.pdf>.
2. *Аписова О.С.* Восприятие московско-тартуской семиотической школы в Германии // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 276–293.
3. *Балаховская Е.И.* Московско-тартуская семиотическая школа во Франции (Будет ли переиздана в Париже «Структура художественного текста»?) // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 294–308.
4. *Баран Х.* Рецепция московско-тартуской школы в США и Великобритании // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 246–275.
5. *Батыгина Г.С.* «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // Социальные науки в постсоветской России / Рос. акад. наук, Институт социологии; Университет Фрибурга; Под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой, Э.М. Свидерски. М.: Академический Проект, 2005. С. 6–107.
6. *Гаспаров Б.М.* В поисках «другого» (Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов) // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 214–236.
7. *Гаспаров Б.М.* Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / [Сост. А.Д. Кошелев]. М.: Гнозис, 1994. С. 279–294.
8. *Гаспаров М.Л.* Взгляд из угла // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / [Сост. А.Д. Кошелев]. М.: Гнозис, 1994. С. 299–303.

9. *Гофман А.Б.* О Леваде. Мемуарные заметки // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / [Сост. Т.В. Левада]. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010. С. 92–101.
10. *де Микель М.* Восприятие тартуско-московской семиотической школы в Италии // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 237–245.
11. *Живов В.* Post scriptum к поэтике бытового поведения и к посвященному ей «круглому столу» // НЛО. 2006. № 82 [электронный ресурс]. Дата обращения 18.05.2017. <URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/zh6-pr.html>>.
12. *Живов В.* Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // НЛО. 2009. № 98 [электронный ресурс]. Дата обращения 18.05.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/zh5.html>>.
13. *Зенкин С.* Континуальные модели после Лотмана // НЛО. 2009. № 98 [электронный ресурс]. Дата обращения 05.05.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/ze7.html>>.
14. *Калинин И.* Тартуско-московская семиотическая школа: семиотическая модель культуры/культурная модель семиотики // НЛО. 2009. № 98 [электронный ресурс]. Дата обращения 06.06.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/ka6.html>>.
15. *Кнабе Г.С.* Знак. Истина. Круг. (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна) // Лотмановский сборник. Т. 1. / Ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 266–277.
16. Культурные коды, социальные стратегии и литературные сценарии («круглый стол» «Нового литературного обозрения», 4 апреля 2006 года) // НЛО. 2006. № 82 [электронный ресурс]. Дата обращения 02.06.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/ku5.html>>
17. *Левин Ю.И.* «За здоровье Её Величества!..» // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / [Сост. А.Д. Кошелев]. М.: Гнозис, 1994. С. 309–312.
18. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала // Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. Так называемое зло (К естественной истории агрессии). Обратная сторона зеркала / [Пер. А.И. Фета]. Nyköping: Philosophical arkiv, 2016. С. 329–614.
19. *Лотман Ю.М.* Зимние заметки о летних школах // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / [Сост. А.Д. Кошелев]. М.: Гнозис, 1994. С. 295–298.
20. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2010. С. 149–390.
21. *Лотман Ю.М.* Культура как субъект и сама-себе объект // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2010. С. 639–647.
22. *Лотман Ю.М.* Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2010. С. 400–417.
23. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Том 1. Таллин: Александра, 1992. С. 129–132.

24. *Лотман Ю.М.* Воспоминания // Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М.: НЛО, 1999. С. 271–354.
25. *Лотман Ю.М.* Литературоведение должно стать наукой // Вопросы литературы. 1967. № 1. С. 90–100.
26. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2010. — 704 с.
27. *Николаева Т.М.* Трагедия культурного героя // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 162–174.
28. *Пугачева М.Г.* Вторая наука или «игра в бисер». Семинарское движение в социологии 1960–1970-х годов // НЛО. 2011. № 111 [электронный ресурс]. Дата обращения 04.05.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/пу8.html>>.
29. *Пятигорский А.М.* Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / [Сост. А.Д. Кошелев]. М.: Гнозис, 1994. С. 324–329.
30. *Ревзина О.Г., Ревзин Г.И.* Некоторые сомнения по поводу статьи Б.М. Гаспарова // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 74–80.
31. *Сегал Д.М.* «Et in Arcadia Ego» вернулся: наследие московско-тартуской семиотики сегодня // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 99–112.
32. *Серебряный С.Д.* «Тартуские школы» 1966–1967 годов // Московско-тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления / Сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 122–132.
33. Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тезисы докладов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. — 160 с.
34. *Столович Л.* Воспоминания о Юрии Михайловиче Лотмане. Структурализм с человеческим лицом // Семь искусств. 2012. № 1 (26) [электронный ресурс]. Дата обращения 30.05.2017. URL: <http://7iskusstv.com/2012/Nomer1/Stolovich1.php#*>.
35. *Столович Л.* Вспоминая Юрия Леваду [электронный ресурс]. Дата обращения 30.05.2017. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/biographies/stolovich_levada_11.html>
36. *Топоров В.Н.* Вместо воспоминания // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / [Сост. А.Д. Кошелев]. М.: Гнозис, 1994. С. 330–347.
37. *Успенский Б.А.* К проблеме генезиса тартуско-московской семиотической школы // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / [Сост. А.Д. Кошелев]. М.: Гнозис, 1994. С. 265–278.
38. *Успенский В.А.* Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование // Лотмановский сборник. Том 1 / Ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: ИЦ — Гарант, 1995. С. 99–122.
39. *Филиппов А.Ф.* Советская социология как полицейская наука // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 91–105.

40. *Фирсов Б.* Жизнь, наполненная бескорыстными духовными интересами // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / [Сост. Т.В. Левада]. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010. С. 263–273.
41. *Фридман В.С.* От стимула к символу: Сигналы в коммуникации позвоночных. В 2-х частях. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. Ч. 1. — 560 с.; Ч. 2. — 426 с.
42. *Шляпентох В.* Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / [Сост. Т.В. Левада]. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010. С. 128–139.
43. *Шмерлина И.А.* Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы // Социологический журнал. 2006. № 3/4. С. 45–25.
44. *Ядов В.А.* «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» // Телескоп. 2005. № 3 [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2017. URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=-by_year&value=2005&id=346>.
45. *Ядов В.А., Гратхофф Р.* Предисловие // Российская социологическая традиция шестидесятых годов и современность. Материалы симпозиума. М.: [Б. и.], 1994. С. 3–5.

Дата поступления: 12.06.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL.
2017. VOL. 23. No. 4. P. 139–159. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5533

I.A. SHMERLINA

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
 Moscow, Russian Federation.

Irina A. Shmerlina — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Address:** 5, 24/35, Khrizhazhanovskogo str., 117218, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7 (499) 128-86-76. **Email:** shmerlina@yandex.ru

**SOCIOLOGY AND SEMIOTICS IN THE CONTEXT OF “POLITICAL THAW”:
 A FAILED CONJUNCTION**

Abstract. This article examines the reasons for a failed conjunction between sociology and semiotics, which was very much possible under certain historical circumstances during the Soviet “thaw” of the 1960’s. The author assumes the following to have been the cause: sociology’s and semiotics’ varying degree of involvement in the public agenda; a varying modus in the relationship with the dominant theoretic-ideological platform; semiotics’ atheoretical and aphilosophical nature combined with an extremely broad scope of research subjects; the formalism and scientism of semiotic studies; Yu.M. Lotman’s disdain for sociology; random factors in the formation of the Tartu-Moscow school’s contingent. It is revealed that the Tartu-Moscow school’s legacy possesses perspective access points to sociological, socio-historical and socio-philosophical subject matters.

Keywords: sociology; semiotics; “thaw”; Tartu-Moscow school; Yu.M. Lotman; scientism; semiotic code; text metaphor; polyglotism.

For citation: Shmerlina I.A. Sociology And Semiotics In The Context Of “Political Thaw”: A Failed Conjunction. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2017. Vol. 23. No. 4. P. 139–159. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5533

REFERENCES

1. Alexander J.C. Analytical debate: Understanding the “Relative Autonomy” of Culture. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2007. Vol. 6. No. 1. P. 17–37 Accessed 22.12.2009. URL: <https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/14/1211459200/6_1_2.pdf>. (In Russ.)
2. Aspisova O.S. *The perception of the Moscow-Tartu semiotic school in Germany. Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*. [The perception of the Moscow-Tartu semiotic school in Germany.] Select. by S.Yu. Neklyudov. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul’tury” publ., 1998. P. 276–293. (In Russ.)
3. Balakhovskaya E.I. The Moscow-Tartu semiotics school in France (Will “The structure of the literary text” be republished in Paris?). *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*. [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections.] Select. by S.Yu. Neklyudov. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul’tury” publ., 1998. P. 294–308. (In Russ.)
4. Baran H. Reception of the Moscow-Tartu school in the US and the UK. *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*. [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections.] Select. by S.Yu. Neklyudov. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul’tury” publ., 1998. P. 246–275. (In Russ.)
5. Batygin G.S. “Social scientists” in the crisis: structural changes in the disciplinary organization and thematic repertoire of social sciences. *Sotsial’nye nauki v postsovetsskoi Rossii*. [The social sciences in post-Soviet Russia.] Russ. Acad. of Sciences, Institute of Sociology; University of Fribourg; Ed. by G.S. Batygin, L.A. Kozlova, E.M. Swidersky. Moscow: Academic Project publ., 2005. P. 6–107. (In Russ.)
6. Gasparov B.M. In search of “the other” (French and East European semiotics at the turn of the 1970s). *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*. [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections.] Select. by S.Yu. Neklyudov. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul’tury” publ., 1998. P. 214–236. (In Russ.)
7. Gasparov B.M. The Tartu school of the 1960s as a semiotic phenomenon. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotics school.] Select. by A.D. Koshelev. Moscow: Gnozis publ., 1994. P. 279–294. (In Russ.)
8. Gasparov M.L. A look from round the corner. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotics school.] Select. by A.D. Koshelev. Moscow: Gnozis publ., 1994. P. 299–303. (In Russ.)
9. Gofman A.B. About Levada. Memoir notes. *Vospominaniya i diskussii o Yurii Aleksandroviche Levade*. [Memoirs and discussions about Yuri Alexandrovich Levada.] [Comp. T.V. Levada]. Moscow: Publisher Karpov E.V., 2010. P. 92–101. (In Russ.)
10. Mikel M. Perception of the Tartu-Moscow semiotic school in Italy. *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*. [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections.] Select. by S.Yu. Neklyudov. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul’tury” publ., 1998. P. 237–245.
11. Zhivov V. Post scriptum to the poetics of everyday behaviour and to the “round table” dedicated to her. *NLO*. 2006. No. 82. Accessed 05.18.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/zh6-pr.html>>. (In Russ.)
12. Zhivov V. Moscow-Tartu semiotics: Its achievements and its limitations. *NLO*. 2009. No. 98. Accessed: 18.05.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/zh5.html>>. (In Russ.)

13. Zenkin S. Continual models after Lotman. *NLO*. 2009. No. 98. Accessed: 05.05.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/ze7.html>>. (In Russ.)
14. Kalinin I. Tartu-Moscow semiotic school: Semiotic model of culture/cultural model of semiotics. *NLO*. 2009. No. 98. Accessed: 06.06.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/ka6.html>>. (In Russ.)
15. Knabe G.S. A sign. A true. A circle. (Yu.M. Lotman and the problem of postmodern). *Lotmanovskii sbornik*. [Lotman's collection.] Vol. 1. Select. and ed. by E.V. Permyakov. Moscow: ITs-Garant publ., 1995. P. 266–277. (In Russ.)
16. The cultural codes, social strategies and literary scenarios (“round table” of the “New literary review”, April 4, 2006. *NLO*. 2006. No. 82. Accessed 02.06.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/ku5.html>>. (In Russ.)
17. Levin Yu.I. “To the health of Her Majesty!..”. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotics school.] Select. by A.D. Koshelev. Moscow: Gnozis publ., 1994. P. 309–312. (In Russ.)
18. Lorenz K. The reverse side of the mirror. *Vosem' smertykh grekhov tsivilizovannogo chelovechestva. Tak nazyvayemoe zlo (K estestvennoi istorii agressii). Oborotnaya storona zerkala*. [Eight mortal sins of civilized humanity. The so-called evil (the natural history of aggression). The reverse side of the mirror.] Transl. by A.I. Fet. Nyköping: Philosophical arkiv publ., 2016. P. 329–614. (In Russ.)
19. Lotman Yu.M. Winter notes on summer schools. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotics school.] Select. by A.D. Koshelev. Moscow: Gnozis publ., 1994. P. 295–298. (In Russ.)
20. Lotman Yu.M. Inside intelligent words. *Semiosfera*. [Semiosphere.] St Petersburg: Iskusstvo – St Petersburg publ., 2010. P. 149–390. (In Russ.)
21. Lotman Yu. M. Culture as a subject and the object itself. *Semiosfera*. [Semiosphere.] St Petersburg: Iskusstvo – St Petersburg publ., 2010. P. 639–647. (In Russ.)
22. Lotman Yu.M. The problem of sign and semiotic system and typology of Russian culture of the XI–XIX centuries. *Semiosfera*. [Semiosphere.] St Petersburg: Iskusstvo – St Petersburg publ., 2010. P. 400–417. (In Russ.)
23. Lotman Yu.M. Semiotics of culture and the concept of text. *Izbrannye stat'i*. [Selected articles.] Volume 1. Tallin: Aleksandra publ., 1992. P. 129–132. (In Russ.)
24. Lotman Yu.M. Memories. Egorov B.F. *Zhizn' i tvorchestvo Yu.M. Lotmana*. [The life and work of Yu.M. Lotman.] Moscow: NLO publ., 1999. P. 271–354. (In Russ.)
25. Lotman Yu.M. The study of literature should become a science. *Voprosy literatury*. 1967. No. 1. P. 90–100. (In Russ.)
26. Lotman Yu.M. *Semiosfera*. [Semiosphere.] St Petersburg: Iskusstvo – St Petersburg publ., 2010. 704 p. (In Russ.)
27. Nikolaeva T.M. The tragedy of a cultural hero. *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*. [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections.] Select. by S.Yu. Neklyudov. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” publ., 1998. P. 162–174. (In Russ.)
28. Pugacheva M.G. The second science or “the glass beads game”. The seminar movement in sociology of 1960–1970s. *NLO*. 2011. No. 111. Accessed 04.05.2017. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2011/111/pu8.html>>. (In Russ.)
29. Pyatigorskii A.M. Notes on the semiotics of the 60s from the 90s. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotics school.] Select. by A.D. Koshelev. Moscow: Gnozis publ., 1994. P. 324–329. (In Russ.)
30. Revzina O.G., Revzin G.I. Some doubts concerning B.M. Gasparov's article. *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*. [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections.] Select. by S.Yu. Neklyudov. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” publ., 1998. P. 74–80. (In Russ.)

31. Segal D.M. “Et in Arcadia Ego” has returned: heritage of the Moscow-Tartu semiotics today. *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*. [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections.] Select. by S.Yu. Neklyudov. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” publ., 1998. P. 99–112. (In Russ.)
32. Serebryanyi S.D. The “Tartu schools” of 1966–1967s. *Moskovsko-tartuskaya semioticheskaya shkola. Istoriya, vospominaniya, razmyshleniya*. [Moscow-Tartu semiotic school. History, memories, reflections.] Select. by S.Yu. Neklyudov. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” publ., 1998. P. 122–132. (In Russ.)
33. *Simpozium po strukturnomu izucheniyu znakovykh sistem: Tezisy dokladov*. [Symposium on structural studying of sign systems: Theses of reports.] Moscow: Izd-vo AN nauk SSSR publ., 1962. 160 p. (In Russ.)
34. Stolovich L. The memories about Yuri Mikhailovich Lotman. Structuralism with a human face. *Sem' iskusstv*. 2012. No. 1 (26) Accessed 30.05.2017. URL: <http://7iskusstv.com/2012/Nomer1/Stolovich1.php#*>. (In Russ.)
35. Stolovich L. *Vspominaya Yuriya Levadu*. [Remembering Yuri Levada.] Accessed 30.05.2017. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/biographies/stolovich_levada_11.html>. (In Russ.)
36. Toporov V.N. Instead of memories. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotics school.] Select. by A.D. Koshelev. Moscow: Gnozis publ., 1994. P. 330–347. (In Russ.)
37. Uspenskij B.A. On the problem of the genesis of the Tartu-Moscow semiotic school. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotics school.] Select. by A.D. Koshelev. Moscow: Gnozis publ., 1994. P. 265–278. (In Russ.)
38. Uspenskij V.A. Walks with Lotman and secondary modelling. *Lotmanovskii sbornik*. [Lotman's collection.] Vol. 1. Select. and ed. by E.V. Permyakov. Moscow: Izd-vo “Its — Garant” publ., 1995. P. 99–122. (In Russ.)
39. Filippov A. F. Soviet sociology as a police science. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2014. No. 3. P. 91–105. (In Russ.)
40. Firsov B. The life filled with selfless spiritual interests. *Vospominaniya i diskussii o Yurii Aleksandroviche Levade*. [Memoirs and discussions about Yuri Alexandrovich Levada.] Comp. by T.V. Levada. Moscow: Izdatel' Karpov E.V. publ., 2010. P. 263–273. (In Russ.)
41. Friedman V.S. *Ot stimula k simvolu: Signaly v kommunikacii pozvonochnyh*. [From a stimulus to a symbol: Signals in communication of vertebrates.] In two parts. Moscow: LIBROKOM publ., 2013. Part 1: 560 p.; Part 2: 426 p. (In Russ.)
42. Shlyapentokh V. Sidereal time of Yuri Levada: the history of one existential choice. *Vospominaniya i diskussii o Yurii Aleksandroviche Levade*. [Memoirs and discussions about Yuri Alexandrovich Levada.] Comp. by T.V. Levada. Moscow: Izdatel' Karpov E.V. publ., 2010. P. 128–139. (In Russ.)
43. Shmerlina I.A. Semiotic conception of the social. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2006. No. 3/4. P. 45–25. (In Russ.)
44. Yadov V.A. “...It is necessary to influence whenever possible the movement of social planets...” *Teleskop*. 2005. No. 3 Accessed 01.06.2017. URL: <http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=33&type=by_year&value=2005&id=346>. (In Russ.)
45. Jadov V.A., Grathoff R. Preface. *Rossiiskaya sotsiologicheskaya traditsiya shestidesyatykh godov i sovremennost'*. *Materialy simpoziuma*. [Russian Sociological Tradition of the Sixties and the Present. The proceedings of the symposium.] Moscow, 1994. P. 3–5. (In Russ.)

Received: 12.06.2017.